

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВСЕМ,
КТО КОГДА-ЛИБО ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ
ЯДОВИТЫМ, ОЩУЩАЛ СЕБЯ
ЧУДОВИЩЕМ
ИЛИ ДУМАЛ, ЧТО ИЗ НЕГО
ВО ВСЕ СТОРОНЫ
ТОРЧАТ ШИПЫ

«Я и спящая красавица, и зачарованный замок. Принцесса, что дремлет в крепости собственной плоти».

Анджела Картер, «Вампирелла»

ПРОЛОГ

Все сказания начинаются одинаково: *быль* или *небыль*. Эти слова полны возможностей, они способны дарить надежду или же вселять отчаяние. Когда дочь устраивается у ног матери и хочет услышать сказку (всегда одну и ту же), то больше всего она ждет этих самых слов, ведь они означают, что нет ничего невозможного. *Быль* или *небыль*. Девочка... есть или нет.

Мать девочки всегда повествует в одной и той же манере, используя одни и те же слова, будто бы отрепетировав рассказ заранее.

«Быль или небыль, но жила-была девчушка тринадцати лет от роду, и жила она в городе, раскинувшемся южнее горы Арзур. Местные знали, что не стоит ходить к горе, потому как жили там дивы — демонические прислужники Разрушителя, имевшие единственной целью нести разрушение и хаос в мир Создателя. Большинство жителей избегало даже редколесного края, протянувшегося от южного склона горы. Но дети, вообразившие себя взрослыми, бывало, что и забредали туда при свете дня,

но только лишь чтобы похвалиться по возвращении.

Однажды девушке захотелось показать, насколько она храбра, и направилась она в край лесов. Девчушка намеревалась идти по нему лишь до тех пор, пока не сорвет одну-единственную молодую кедровую веточку, которую бы она принесла с собой в качестве доказательства. Однако вместо веточки она нашла угодившую в сеть молодую незнакомку. Та сидела на земле и плакала, моля о помощи. Она объяснила нашей девушке, что то была дивова ловушка и что стоит диву вернуться, как он тут же сделает ее своей пленницей.

И стало девушке жаль ту горемычную. Найдя острый камень, она перерезала веревки. Освобожденная незнакомка поблагодарила ее и бросилась прочь. Девчушке бы последовать ее примеру, но она замешкалась, и вот уже ей на плечо опускается тяжелая фука.

Неспособная ни бежать, ни даже позвать на помощь, скованная страхом, девушка подняла глаза на нависшего над ней дива. Он вселял ужас одним своим нечеловеческим видом. Девчушке казалось, что сердце ее вот-вот остановится, и тогда диву не придется ее убивать.

Диву хватило одного взгляда на пустую сеть, обрезки и камень в руке девушки, чтобы все понять.

— Ты обокрала меня, — тихо профычал он. — Вот и я украду что-то у тебя взамен.

Девчушка думала, что он заберет у нее жизнь, но вместо этого он проклял ее первенца женского пола, предрекая ей судьбу ядовитой. Она будет убивать любого, кто коснется ее».

На этом месте дочь обычно перебивает мать и спрашивает, почему проклятие пало именно на первенца-девочку. Ей нет нужды упоминать о зависти и обиде на брата-близнеца: ее эмоции и так написаны у нее на лице.

Тогда мать отвечает, что дивовы пути загадочны, несправедливы и неведомы никому, кроме них самих.

«С этими словами див отпустил девочку, и та припустила напрямик домой, то ли не желая, то ли не находя сил рассказать кому-либо о произошедшем. Ей хотелось забыть о проклятии дива, притвориться, будто ничего не было. К тому же в ближайшие несколько лет беспокоиться о детях ей не было нужды. Со временем она сумела забыть о дивовом проклятии. Почти сумела.

Годы шли, девочка выросла, и вот однажды шах Аташафа выбрал ее себе в царицы. Она не рассказала ему о дивовом проклятии. Она и сама уже едва о нем помнила.

И лишь тогда, когда ее близняшки — мальчик и девочка — родились, она вспомнила тот день в лесу. Но было уже слишком поздно, и через три дня после родов она обнаружила, что див ее не обманул. Утром кормилица склонилась над ее дочерью, готовясь покормить ее. Но стоило им коснуться друг друга, как кормилица пала наземь бездыханной».

В этом и кроется причина, по которой она готова раз за разом делиться с дочерью этим сказанием. Она хочет, чтобы та помнила, как важно всегда носить перчатки и никого не касаться. Она не хочет видеть

в своей дочери той беспечности, что однажды допустила сама, когда ей было тринадцать лет и когда она забрела чересчур глубоко в лесной край.

Тут дочь всегда опускает глаза на руки в перчатках и старается вспомнить кормилицу, погибшую по ее вине. «*Быль иль небыль*», — напоминает она себе. Это просто сказка.

Дочери хочется забраться на колени к матери и положить голову ей на грудь, но она этого не делает. Никогда.

Это вовсе не сказание.

Выход на крышу — опасная затея, болезненная роскошь. Но лишь там Сорэ́йе удавалось поверить в реальность своего существования. На краю крыши открывался вид на раскинувшийся перед дворцом вечно прекрасный сад. А еще дальше, за воротами Гольваара, простирался огромный мир, чьих масштабов Сорэ́йя не могла даже вообразить. Сам же дворец был окружен шумным и полным людей городом. На юг от него бежала дорога, тянущаяся через центральную пустыню, а за ней раскинулись другие провинции и города до самой границы Аташара. За его пределами лежали иные княжества, земли и народы.

На другом конце крыши ее взгляду открывались сухой лесной край и леденящая душу гора Арзур, вздымающаяся к северо-востоку от дворца. Куда ни брось взгляд, земля пестрела горами и пустынями, морями и холмами, долинами и поселениями, которым, казалось, не было предела. Не было бы ничего удивительного, если бы они внушали Сорэ́йе чувство собственной ничтожности, заставляя ее чувствовать себя незначительной. И действительно, порой так и случалось: тогда, стиснув зубы и сжав кулаки, она отступала. Но, вопреки ожиданиям, куда чаще укры-

тое небом одиночество снимало с нее внутренние оковы и дарило облегчение. Отсюда, с высоты, все, а не одна лишь она, казались маленькими и незначительными.

Нынешний день отличался от других: она поднялась на крышу для того, чтобы наблюдать за поездкой членов царской семьи по городу. Сегодня ее и вовсе не существовало.

Члены царской семьи имели обыкновение прибывать в город вскоре после первого дня весны, знаменующего начало нового года. Чтобы было удобнее приглядывать за сатрапами, правившими от имени шаха, они путешествовали из одной провинции в другую: на то или иное время года в каждой из них имелось по дворцу. Однако приходившаяся шаху сестрой Сорэя никогда не путешествовала с членами царской семьи, постоянно живя в Гольвааре, старейшем из дворцов со множеством потайных комнат и дверей. Если хочешь спрятать что-то или кого-то от чужих глаз, лучшего места не придумать. Сорэя была вынуждена держать свое существование в тайне, скрываясь в лабиринте палат Гольваара, чтобы не бросать тень на остальных членов царской семьи.

С высоты поток золотых паланкинов, несущий женщин благородного происхождения, походил на сияющую золотую нить, струящуюся по улицам города. Его охраняли удалые солдаты в золотых доспехах и верхом на конях. Они сопровождали процессию, частью которой была и мать Сорэи. Во главе отряда стоял спахбед. Морщинистое лицо генерала, пользовавшегося наибольшим доверием шаха, имело присущее ему суровое выражение. Замыкали процессию золотые верблюды. На своих спинах они везли невообразимое множество вещей членов царской семьи и путешествовавшего с ними бозоргана,

одного из «великих» вельмож. Возглавлял же процессию Соруш, молодой шах Аташара. Он ехал под флагом с изображением прекрасной зелено-оранжевой птицы.

Свет и тьма. День и ночь. Порой Сорэя и сама забывала, что они с Сорушем близнецы. Впрочем, как и Создатель с Разрушителем, если верить рассказам жрецов. Близнецы, один из которых был рожден надеждой, а другой — сомнением. Сорэя задалась вопросом о том, какие сомнения терзали ее мать, когда та рожала ее.

Люди приветствовали шаха, а придворные бросали золотые монеты в толпу. Сорэя понимала любовь простых людей к Сорушу: хоть он и сиял от их восхвалений, но улыбка его по-прежнему выражала смирение. К тому же его расслабленная манера держаться сильно отличалась от манеры строгого, подобранного спяхбеда.

Сорэя уже давно бросила фантазировать о том, каково было бы путешествовать с места на место вместе с семьей. И все же костяшки вцепившихся в парапет рук предательски белели на фоне камней.

Тем временем процессия добралась до ворот, и Сорэя начала различать лица въезжавших в просторный сад людей. Стоило ее взгляду задержаться на красном одеянии Рамина, как лицо тут же исказилось гримасой. Он всегда носил свою форму рыцаря-азатана с гордо поднятой головой. Впрочем, оно и неудивительно: будучи единственным сыном спяхбеда, он имел все шансы однажды сменить его на этом посту. Можно сказать, что он был рожден для этого цвета.

Не желая задерживать взгляда на Рамине, она перевела его на всадника, с которым их разделяло несколько лошадей. Это был молодой человек примерно

того же возраста, чье лицо было особенно не разглядеть с такого расстояния. Его одеяние походило на то, что носили простолюдины: вместо солдатской красно-золотой формы он был одет в коричневый камзол без каких-либо знаков отличия. Сорэя не обратила бы на него внимания, вот только...

Он смотрел прямо на нее.

Молодой человек поднял взгляд и различил на крыше ее одинокий силуэт, будто бы не замечая пышности процессии, роскоши сада и великолепия высящегося перед ним дворца.

Удивление от случившегося сковало Сорэю. От неожиданности она не успела пригнуться. «Спрячься, исчезни, не дай себя увидеть!» — кричала ее интуиция. Но где-то в глубине души она ощутила другой, давно забытый порыв. И решила не убегать, позволив себе встретиться взглядом с другим человеком и остаться замеченной. Короткое мгновение они смотрели друг на друга, после чего Сорэя отпрянула от края крыши и скрылась от посторонних глаз. Однако за долю секунды до своего бегства она беззвучно повелела увидевшему лишнее молодому человеку сделать две вещи:

«Отведи взгляд».

Но вслед за предостережением последовал призыв: *«Найди меня».*

Присевшая на колени Сорэя заметила ползущего неподалеку жука. Она застыла, держа непокрытые руки над землей до тех пор, пока он не отполз подальше. Немного отодвинувшись, она продолжила свое занятие. После пережитого Сорэе было необходимо чем-то занять свои голову и руки, а потому она направилась в гулистан. Обнесенный стеной ро-

зовый сад был подарком матери, как и уроки чтения. Когда-то, когда Сорэя еще была ребенком, она осознала, что способна прикасаться к цветам и прочим растениям, не отравляя их. После этого мать принялась дарить ей по горшку с розой и книге всякий раз, когда навещала дочь весенней порой. С годами ее коллекция разрослась и превратилась в самый настоящий сад роз, полный розовых, красных дамасских, белых, желтых и фиолетовых кустов, карабкающихся ввысь по сложенным из глинобитного кирпича стенам. Цветы благоухали сладким, будто медовым, ароматом.

Мощные дорожки делили гулистан на четыре части, что придавало ему сходство с большим главным садом. Они встречались в его середине, у восьмигранного бассейна. В отличие от дворцового сада, в гулистан существовало лишь два входа. Один — через дверь в стене, ключом к которой обладала лишь Сорэя. Другой — через череду решетчатых дверей, соединявших ее покои с садом. Он принадлежал ей одной, и здесь она могла не бояться нечаянно коснуться кого-то или чего-то. Исключение составляли лишь несведущие насекомые, время от времени пробиравшиеся внутрь.

Сорэя все еще наблюдала за удаляющимся жуком, когда из покоев до нее донесся звук величественных шагов. Вскочив и отряхнув грязь с платья, она поспешно натянула перчатки, до того закинутые на перевязь.

— Сорэя, дорогая, я так рада тебя видеть.

В дверном проеме стояла ее мать. Глядя на эту высокую и величавую женщину, всю в шелках и с жемчугом в волосах, сложно было поверить, что она просто человек. Покойный шах пал в борьбе с болезнью семь лет назад, когда Сорушу и Сорэе было всего

по одиннадцать лет. Таминэ стала регентом, правя землями своего сына до поры, когда тот повзрослеет. Тем не менее она никогда не забывала приносить Сорэ́йе драгоценные дары, облегчавшие ношу ее дочери, несмотря на бремя ответственности перед государством. Вот и сейчас она стояла с книгой под мышкой и горшком в руках.

Руки Сорэ́йи защищали перчатки, и потому она пошла навстречу матери и протянула их за подарком, не дойдя несколько шагов.

— Благодарю, матушка, — поблагодарила Сорэ́йя, аккуратно беря горшок с розой.

В утрамбованной земле зеленел едва различимый росток. То что надо. Сорэ́йе нравилось, когда розы впервые расцветали в гулистане благодаря ее стараниям. Это служило ей подтверждением способности не только разрушать, но и созидать.

Она нашла, куда можно было временно пристроить цветок до посадки, и обронила через плечо:

— Надеюсь, путешествие тебя не утомило.

Язык ворочался во рту неохотно: давно уже она ни с кем не разговаривала. Две женщины не могли обняться, и оттого их приветствия всегда выходили сухими и формальными. Однако Сорэ́йя замечала тепло во взгляде и улыбке своей матери и надеялась, что и ее лицо выражает те же эмоции.

— Нисколько, — ответила Таминэ и протянула ей книгу. — Держи. Это сборник сказаний Хэлли. Ты наверняка уже прочла все книги, написанные в Аташаре.

Сорэ́йя взяла книгу и принялась листать украшенные рисунками страницы, а Таминэ пошла вдоль стены гулистана.

— Такие красивые, — прошептала Таминэ розам, тянущимся ввысь по стенам.

Оставаясь безмолвной, Сорэ́йя широко улыбнулась от наполнившего ее чувства гордости. Ей никогда не блистать так же ярко, как ее брату, но все же и она была способна заставить мать улыбнуться.

— Процессия люднее обычного, — заговорила Сорэ́йя, понемногу обретая власть над непослушным языком. — Это по случаю Новруза?

Таминэ застыла на месте. Неподвижная, с прямой спиной, она напоминала статую.

— Не только, — произнесла она, нарушая повисшую в воздухе тишину. — Дорогая, пройдем внутрь. Я хочу тебе о чем-то рассказать.

Сорэ́йя сглотнула. Несмотря на перчатки, кончики ее пальцев были ледяными. Освободив проход для матери, она последовала за ней, продолжая сжимать книгу в руках.

Сорэ́йе нечего было предложить матери: ни вина, ни фруктов, ни чего бы то ни было еще. Слуги приносили ей еду трижды в день, оставляя подносы у двери. Люди знали о том, что у шаха есть сестра-затворница. Должно быть, каждый имел свои догадки относительно того, почему она скрывается. Однако никто не знал правды, а Сорэ́йя была обязана хранить тайну.

Сами покои были весьма комфортны. Всюду лежали подушки: на кровати, кресле, сиденье на подоконнике и даже на полу. Все — из различных материалов, с разной текстурой. Пол целиком покрывали лежащие внахлест яркие ковры, чьи цвета немного померкли со временем. Все поверхности были покрыты чем-то мягким, и, окружая себя всем этим, она словно могла восполнить нехватку настоящих прикосновений. Тут и там стояли стеклянные вазы с увядающими розами из ее сада, наполнявшими покои землистым запахом умирающих цветов.

Здесь был один-единственный стул, так что Таминэ присела на подоконник. Сорэя аккуратно припустилась с другой стороны, сложив руки на сведенных вместе коленях. Она старалась занимать как можно меньше места, чтобы матери было удобно.

Тем временем Таминэ явно чувствовала себя некомфортно. Она избегала взгляда Сорэи и никак не могла успокоить лежащие на коленях руки. Собравшись с силами, она вдохнула, подняла взгляд на дочь и произнесла:

— Все эти люди прибыли по случаю свадьбы твоего брата, которая состоится через месяц.

— Ох, — выдохнула несколько удивленная Сорэя.

Поведение матери навело ее на мысли о похоронах, но не о свадьбе. Она знала, что рано или поздно Соруш вступит в брак. Возможно, мать переживала, что Сорэя будет завидовать?

— Он женится на Ло-лэ, — добавила Таминэ.

— Ох, — снова произнесла Сорэя, но на этот раз без эмоций.

Это разумно, подумала она. Ло-лэ, дочка спахбеда, была столь же добра, сколько и прекрасна. Она заслуживала того, чтобы стать любимицей Аташара и самой его влиятельной женщиной. Любой был бы рад за нее. Любому следовало радоваться за нее.

Из края ее рукава торчала нить. Сорэя сжала ее указательным и большим пальцами и потянула, глядя на распускающуюся ткань. Ее сердцебиение ускорилось от эмоций, которые ей не хотелось ни испытывать, ни даже признавать. Сорэя несколько раз не спеша вдохнула. Она уже несколько раз обернула нить из рукава вокруг одетых в перчатку пальцев. Она не даст горечи и обиде возобладать. Она не позволит им отразиться на ее лице. Сорэя вдохнула, сняла с пальцев нить, подняла на мать глаза и улыbnулась.